

Пугачевская легенда на Урале

В. Г. Короленко. Собрание сочинений. Т. 4
Библиотека "Огонек"
М., "Правда", 1953
[OCR Бычков М. Н.](#)

Одна выписка из следствия оренбургской секретной комиссии об Емельяне Пугачеве начинается так: "Место, где сей изверг на свет произник, есть казачья малороссийская Зимовейская станица; рожден и воспитан, по видимому его злодеянию, так сказать, адским млеком от казака той станицы Ивана Михайлова Пугачева жены Анны Михайловой".

Все современные официальные характеристики Пугачева составлялись в том же канцелярски-проклинательном стиле и рисуют перед нами не реального человека, а какое-то невероятное чудовище, воспитанное именно "адским млеком" и чуть не буквально злопыхающее пламенем.

Этот тон установился надолго в официальной переписке.

Известно, как в то время относились ко всякого рода титулам, в которых даже подскоблить описку считалось преступлением. У Пугачева тоже был свой официальный титул: "Известный государственный вор, изверг, злодей и самозванец Емелька Пугачев". Красноречивые люди, обладавшие даром слова и хорошо владевшие пером, ухитрились разукрасить этот титул разными, еще более выразительными надстройками и прибавлениями. Но уже меньше этого сказать [было] неприлично, а пожалуй, даже неблагонадежно и опасно.

Литература не отставала от официального тона. Тогдашнее "образованное" общество, состоявшее из дворян и чиновников, чувствовало, конечно, что вся сила народного движения направлялась именно против него, и понятно, в каком виде представлялся ему человек, олицетворявший страшную опасность. "Ты подлый, дерзкий человек,-- восклицал в пиитическом рвении Сумароков при известии о поимке Пугачева, --

Незапно коего природа
Низвергла на блаженный век
Ко бедству многого народа:
Забыв и правду и себя,
И только сатану любя,
О боге мыслил без боязни...

"Сей варвар, -- говорит тот же поэт в другом стихотворении:

...не щадил ни возраста, ни пола,
Пес тако бешеный, что встретит, то грызет,
Подобно так на луг из блатистого дола
Дракон шипя ползет.

За это, разумеется, и "казни нет ему достойные на свете", "то мало, чтоб его сожечь" и т. д. Чувства современников, конечно, легко объяснимы. К несчастью для последующей истории, первоначальное следствие о Пугачеве попало в руки ничтожного и совершенно бездарного человека, Павла Потемкина, который, повидимому, прилагал все старания к тому, чтобы первоначальный облик изверга, воспитанного "адским млеком", как-нибудь не исказился реальными чертами. А так как в его распоряжении находились милостиво предоставленные ему великой Екатериной застенки и пытка, то понятно, что весь материал следствия сложился в этом предвзятом направлении: лубочный, одноцветный образ закреплялся вынужденными показаниями, а действительный облик живого человека утопал под суздальской мазней застеночных протоколов. Бездарность этого "троюродного братца" всеильного временщика была так велика, что даже чисто фактические подробности важнейших эпизодов предшествовавшей жизни Пугачева (например, его поездки на Терек, где, повидимому, он тоже пытался поднять смуту) стали известны из позднейших случайных находок в провинциальных архивах {Один из